ПРИАРАЛЬСКАЯ ЗАГРАНИЦА

Одна группа отправляется из Душанбе, другая из Ташкента, а встречаемся в Бухаре. Конечный пункт экспедиции в Приаралье, организованной Международным фондом спасения Арала, — туркменский Дашогуз. Среди участников — члены исполкома МФСА, его сотрудники, водники пяти стран, метеорологи, есть и журналисты. Цель — ознакомиться с ситуацией в низовьях Амударьи. Время — разгар зимы, оно не самое комфортное для путешествий по великим пустыням. Тут дуют пронизывающие ветры и, как утверждают знатоки, находится полюс холода в Центральноазиатском регионе. Но и лето в песках не подарок. В общем, едем.

«А про это не пишите»

В дороге эта фраза звучала неоднократно и как бы в шутку. Но иногда казалось, что коллеги-водники всерьез считают, что о каких-то явлениях благоразумней промолчать. За

годы независимости своих стран они стали дипломатами. У одних появились самые настоящие дипломатические паспорта, другие получили от МФСА специальные пропуска, в идеале обеспечивающие беспрепятственное пересечение границ в регионе.
Еще до отъезда автору этих строк стало ясно, что беспрепятственное пересечение границы по долгу службы — для водников желаемое, но не действительное. Мы на равных отстояли очередь за въездными визами, и точно так же на равных потом пересекали границу пешим ходом. «Почему так? — допытывалась я у членов исполкома МФСА. — Пограничники и таможенники не знают о деятельности международной организации, учрежденной президентами пяти стран в 1993 году?» «Наверное, не знают, но вы про это не пишите».
Опять пошутили. А ведь о деятельности Международного фонда спасения Арала население по разные стороны границы и впрямь мало осведомлено. Скажем, о скандальных выборах в Украине кого ни спроси, все слыхали, а еще о чужеземных цунами, землетрясениях и прочих катаклизмах…
Когда президенты Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана учреждали МФСА, в средствах массовой информации изрядно сообщалось и об экологическом кризисе в Приаралье, и о новой международной организации, призванной изменить ситуацию. В январе 1994 года в Нукусе президенты утвердили Программу конкретных действий по улучшению экологической обстановки в бассейне Аральского моря на ближайшие три-пять лет. И снова случился информационный бум. Но когда это было! Неудивительно, что пограничник не помнит — то ж пора его детства. С тех пор столько воды утекло.

Сколько?

Мы проезжаем Амударью близ Бухары, а если точнее — за Алатом. Река здесь широко разлилась по руслу. Специалисты на глаз определяют, что проходит в ее створе тысяча кубов в секунду. Они удовлетворенно щелкают фотоаппаратами. Но тут же прикидывают, сколько воды заберут водохранилища ниже по течению, делая запасы на лето. Еще прикидывают, сколько разбежится по каналам вправо и влево от реки на промывные поливы.
Один такой канал мы только что проехали. От Амударьи он отходит самотеком. А потом воду поднимает метров на сорок насосная станция. Всего у Аму-Бухарского канала две ступени подъема. До тех пределов, до каких поднимается по ступенькам вода, и распространяется поливное земледелие в Бухарском оазисе.
Канал начинается на туркменской территории. В советское время граница была прозрачна. После встречи президентов в конце 2004 года в Бухаре началась демаркация. Водники и раньше границу не нарушали, подчиняясь пограничникам, и теперь под колючую проволоку не полезут. Но призрачной стала прозрачность. Скажем, туркмены знают, сколько забирают воды узбеки по Аму-Бухарскому каналу, а сколько забирают туркмены? В ходе экспедиции рассчитываем побольше узнать и увидеть.
А многое уже увидели. По пути из Ташкента в Бухару — брошенные из-за засоления поливные земли в Джизакской и Сырдарьинской областях. Видели берега реки Зеравшан, превращенные в свалку. Это негатив. А позитив — поля в ожидании весны. Их бы тщательней промыть от солей! По данным МФСА, в Центральноазиатском регионе площадь орошаемых земель составляет около восьми миллионов гектаров, из них более пяти миллионов подвержены засолению и другим эрозионным процессам. Потому-то так ласкали взор полноводные Сырдарья у Чиназа и Амударья у Алата. Так сколько воды сегодня в реках, какой прогноз на завтра, на месяц вперед, на квартал? Как ее делить, чтобы всем хватило?

Первым пунктом Программы конкретных действий в бассейне Аральского моря было «выработать общую стратегию вододеления, рационального водопользования и охраны водных ресурсов». То, что общая стратегия не принята и не реализуется, можно, колеся по дорогам, и не зная, догадаться. В той же программе ставилась задача: «разработать и внедрить единую для бассейна Аральского моря унифицированную систему учета водных ресурсов и их использования». И эта задача не выполнена. Потому и нет учета, а прогнозы водности часто — на глазок.

В августе 2003 года уже не президенты стран, а их доверенные лица из правления МФСА подписали в Душанбе вторую Программу конкретных действий в бассейне Аральского моря — ПБАМ-2. Но упал к ней интерес первых лиц, и наши народы это событие не заметили.

Затянувшийся переезд экспедиции через Амударью по длинному-длинному мосту располагает к размышлениям, например, о том, сколь важны у моста пролеты, а у программы — приоритеты. У новой их четырнадцать, есть среди них и «совершенствование систем мониторинга окружающей среды». Без мониторинга никак нельзя, утверждают водники, если совсем просто, то мониторинг и есть учет. О нем мы начали говорить еще в Бухаре и, судя по программе, он будет детально обсуждаться в Дашогузе.

Впрочем, сейчас важнее видеть, чем слышать. Мост через Аму остается позади, и мы с любопытством всматриваемся в окраинные улочки Туркменабада (бывший Чарджоу), лозунги и цитаты, в то ли золотые, то ли бронзовые под золото памятники.

Железнодорожный вокзал, как везде, кипит жизнью. Отсюда, по словам местных, рукой подать до Ашхабада — всего шестьсот километров по хорошей трассе. И столько же до Дашогуза. «Тоже рукой подать?»

Не утонуть в песках

Отбываем из города в пять вечера. Водитель Бяшим обещает доставить в Дашогуз часам к пяти утра. Кажется, что и он шутит. Он обещает четырехметровый саксаул на обочинах, барханы и песок на дорожном полотне.

Рытвины да пески заставляют задуматься, какая нелегкая понесла в несусветную даль. Позади около полутора тысяч километров и сутки пути. Вторые проводим на центральноазиатском полюсе холода, где средняя январская температура — минус четыре. Поначалу машины экспедиции передвигались по отличной трассе в компании с газовозами, транспортирующими туркменский сжиженный газ в Иран. Но они ехали за товаром, и дороги разошлись. Наша по-прежнему шла вдоль Амударьи, и то ли пограничные, то ли таможенные посты тормозили ежечасно для проверки. Наверное, постовые в пустыне скучали, а тут свежие люди. Мы разминались на колючем ветру, рассуждая, что факелы Газ-Ачака мы давно миновали. Кого же здесь выявляют — контрабандистов, террористов? Под черным небом шаг вправо, шаг влево от дороги — и тонешь в песке.

Мы злились на барханы, из-за которых авто катились еле-еле. Но зато накрепко усваивали аксиому о едином экологическом пространстве в бассейне Аральского моря. По ту сторону Амударьи наступают пески Кызылкумов на узбекские кишлаки, по эту Каракумы засыпают туркменские поля. Еще мы радовались, что повезло, и едем не в пыльную бурю. За год их в Туркменистане регистрируют от трех десятков до семи десятков. И то сказать: Каракумы занимают восемьдесят процентов площади страны. А в декабре 1985-го был день, когда на каждый гектар в Ашгабате, по подсчетам метеорологов, осело около 15 тонн пыли. Столько потому, что в туркменской столице ветра из афганских, иранских и аравийских пустынь. Принимаем это к сведению. Но мы

едем в другом направлении, и чем ниже по течению реки, тем острее проблема воды. Бяшим предлагает определить стоимость стакана минералки. Теряемся в догадках, ведь деньги — манаты. Он подсказывает: «Литр бензина дешевле в несколько раз!» В пересчете на зеленые сотня литров бензина стоит чуть больше доллара. Туркменский бензин дешев, а вот чистое питье поискать надо. Амударья приходит в низовья загрязненная, сильно сдобренная дренажными стоками. В Дашогузской области с населением более миллиона лишь треть пользуется водопроводом, несколько десятков тысяч человек пользуются не везде чистой колодезной водой. Сотни тысяч сельских жителей туркменской части Приаралья берут ее для питья из арыков и каналов. Это очень похоже на «заграницу» по ту сторону Амударьи.

Ближе к рассвету никто не спорит, где лучше, где хуже. В шестом часу утра экспедиция въезжает в Дашогуз.

Неформально

Эта экспедиция в Приаралье третья. Первые две состоялись в 2003 и 2004 годах, и обе — по казахстанской части Сырдарьи. Тогда в два этапа специалисты-водники пяти стран преодолели расстояние от Кызылорды до Аральска и от Чардаринского водохранилища до Кызылорды. Побывали и на строительстве дамбы, отсекающей Малое море от Большого, взяли в Арале пробы воды. В этот раз мы до него не доедем. Не доедем и до Сарыкамыша: сроки у экспедиции сжатые и планы другие.

Намечены официальное заседание, поездки на завод по изготовлению чистой питьевой воды, на гидротехнические сооружения, в диагностический центр… Но экспедиция замечательна тем, что при ограниченном времени между ее участниками идет неформальный обмен информацией. И по Сарыкамышу тоже.

Он представляет интерес для всех стран региона. Когда полвека назад мелиораторы направили в Сарыкамышскую впадину дренажные стоки левобережья, два коллектора — Дарьялык и Озерный, сливаясь, водопадом падали с тридцатиметровой высоты. Сейчас водопада нет и в помине. Коллекторы из года в год несли сверхплановые стоки. Впадина заполнена с верхом и занимает 4000 квадратных километров. Предположительно в ней плещутся 46 кубокилометров. Такой же мощный водоем был здесь в XV-XVI веках, когда Амударья меняла русло, отклоняясь на запад. Нынешний одним боком относится к Туркменистану, другим выпучился на узбекскую территорию и по объему раза в полтора перегнал Малый Арал. А по качеству воды?

Водники легко оперируют цифрами. Называют результаты замеров прошлых экспедиций: в Малом море 12 граммов соли на литр, а в проливе Берга соленость составляла 2 грамма на литр. А какова минерализация в Сарыкамыше, сколько в нем пестицидов, тяжелых металлов? Туркменские водники обещают привезти пробы, а специалисты Узгидромета — проанализировать их в ташкентской лаборатории. Это для всех очень важные сведения. А неважных тут нет.

Туркмены говорят о том, что коллекторные воды подтапливают пастбища, сокращая их площадь и продуктивность. За год с узбекских и туркменских полей отводится пять кубокилометров. Ими пополняются Сарыкамыш и низины пустынь, но часть стоков сбрасывается в Амударью. Казахстанцы сообщают о ходе работ в проливе Берга: близка к завершению тринадцатикилометровая дамба с водовыпуском. «С помощью дамбы Малый Арал удастся спасти».

А узбекистанцы неожиданно ставят вопрос о необходимости спасать Арнасай. Тоже ведь была впадина с пастбищами и небольшими озерками. А сейчас площадь водоема в ней — 3450 квадратных километров, объем — более 40 кубокилометров. По габаритам он занимает в регионе третье место после Большого Арала с его 109 кубокилометрами и

Сарыкамыша. Арнасайская впадина заполнена аварийными сбросами из Чардаринского водохранилища. Но с расширением русла Сырдарьи в казахстанских низовьях и возможностью пропуска больших объемов воды потребность в аварийных зимних сбросах в Арнасай отпадет. Он станет нуждаться в ежегодных плановых попусках в полтора-два кубокилометра — иначе усохнет, и получат братские страны аналог осушенного морского дна.

Таджики в неформальных разговорах не раз упомянули «шоколад» в водопроводных кранах Душанбе, а еще горные сели и оползни, истощение ледников и зимние ограничения на подачу электроэнергии из-за скромных возможностей водохранилищ. Кыргызы посетовали, что в их верховьях вырубаются ель, сосна, не регулируется выпас скота на горных склонах. Всего же на территории верхнего водосбора утеряно до половины лесного покрова, эрозия почв принимает угрожающие размеры. Хватает проблем. А ведь это только вершки.

Многие были обозначены в ПБАМ-1. За десятилетие какие-то решены, какие-то нет. Зарубежные спонсоры выделили лишь малую толику из обещанных средств. Сами же страны-партнеры в эти годы отказались от идеи общего банка. Им показалось честнее договориться о долях от дохода, которые направят на реализацию своих обязательств в рамках МФСА. Составляя вторую Программу конкретных действий по улучшению экологической и санитарно-эпидемиологической обстановки в бассейне Аральского моря в 2003-2010 годы, водники стремились быть реалистами.

Приметные приметы

Искусственная елка у отеля — приятный символ Нового года. В отеле — чистейшая вода, горячие батареи и, само собой, уют. То, что в Дашогузе есть филиал МФСА, тоже вроде бы здорово. Такой же есть и в Нукусе. Но где попало филиалы не создавали, и, несмотря на чудные гостиничные условия, мы находимся в зоне экологического бедствия. Как тут реализуются приоритеты ПБАМ-2?

Между прочим, предыстория ее такова. Когда миновал один, а потом и второй срок для выполнения задач, намеченных в начале девяностых в ПБАМ-1, когда появились сомнения в эффективности Международного фонда спасения Арала, тогда президенты пяти стран в октябре 2002 года собрались в Душанбе, чтобы определить, быть этой международной организации или не быть.

Президенты говорили о ее достоинствах и недостатках. Вот кратко, что о достоинствах. Усилиями МФСА поддерживаются диалог, взаимопонимание, решаются практические задачи. Фонду удалось привлечь внимание мировой общественности — ряд проектов поддержали Всемирный банк, Азиатский банк развития, Европейский союз, Глобальный экологический фонд, международные организации и отдельные страны. Но президенты также отметили, что проекты нацелены в основном на борьбу с последствиями Аральского кризиса и не дают желаемых результатов в устранении его причин.

Тем не менее есть стремление сообща и совместными усилиями преодолеть последствия кризиса и обеспечить экологическую стабильность в регионе. Главы государств региона отметили острейшие проблемы, с которыми в одиночку не справиться, и приняли решение об основных направлениях новой программы действий. Разработать ее поручили Исполкому МФСА совместно с Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссией и Межгосударственной комиссией по устойчивому развитию по согласованию с правительствами.

Поступило на рассмотрение свыше трехсот проектов. Их просеяли сквозь сито рабочих групп. В итоге в ПБАМ-2 вошло 14 приоритетов, в каждом — от одного до одиннадцати проектов, с указанием финансовых затрат. За них теперь и отвечают страны по своим

обязательствам. А в деньгах обязательства составляют для одних 0,3 процента от доходной части бюджета, для других — 0,1 процента. Впрочем, могут вложить куда больше, а если нечего, то меньше.

Цена возвратных вод

В манатах ориентироваться трудно. У менял на рынке манат стоит одну двадцатипятитысячную доллара, точнее доллар продается за 25 тысяч. В банке — в два с половиной раза дешевле, но такие ставки не для рядовых обывателей. На заседании, где идет анализ приоритетов ПБАМ-2, туркменская сторона все просчитывает в миллионах и миллиардах манатов. Только по созданию Туркменского озера Золотого века подсчеты ведет в валюте.

Этот проект оценен в два миллиарда долларов и относится к приоритету «Рационализация использования коллекторно-дренажных вод». Помимо туркменского дренажного озера к этому же приоритету относится и региональный проект «Управление трансграничными возвратными водами». Его предварительная стоимость — три миллиарда долларов. Теперь посчитаем: два плюс три. На пять миллиардов тянет в Программе конкретных действий-2 упорядочение стоков с орошаемых полей.

В Центральной Азии их за год образуется 35-36 кубокилометров. Еще в советское время принималось решение о строительстве левобережного и правобережного коллекторов вдоль Амударьи, чтобы до низовий река доходила чистой. Эти тракты шли бы параллельно и собирали то, что стекает с полей. Ввиду распада Союза и умопомрачительной цены они так и не построены. А возвратные воды стали трансграничными, что означает: формируются в одних государствах, а транзит, сброс и загрязнение рек и водоемов, затопление земель происходит в других.

Туркмены еще в 2000 году решили из «лимона» сделать «лимонад»: собрать и направить их в Каракумы. Общая протяженность коллекторов составит 2650 километров. Озеро по площади чуть перекроет нынешний Арнасай, а по объему — Большой Арал. Ожидаемые результаты — улучшение экологической ситуации, повышение продуктивности двух миллионов гектаров орошаемых земель, возвращение в сельхозоборот затапливаемых пустынных пастбищ. Есть расчет на развитие прудовых хозяйств и рост биоразнообразия. Часть водоводов и головных сооружений уже построена, еще год-другой и потечет поток в зону нового озера по пионерному открытому тракту.

Другой проект этого приоритета экспедиция практически не обсуждала. Очевидно, нет заметных подвижек. Дорого. Вообще-то все, что касается ирригации, дорого. Водники признают, что она в бассейне Аральского моря неэффективна. По их подсчетам, полное обновление ирригационной системы на шести миллионах гектаров позволит экономить ежегодно до 12 кубокилометров речной воды. Значит, заметно поубавится и дренажных стоков. Но этот проект стоит шестнадцать миллиардов долларов. Если реформировать ирригационную сеть по израильской модели, то можно достичь экономии в 28 кубокилометров. Но обойдется дороже. Жаль, нет таких средств у региона.

Большой и Малый

Экспедицию МФСА в Приаралье профинансировала Программа Европейского союза ТАСИС, за что ей спасибо. А вообще-то интерес доноров к проблеме Арала за десятилетие заметно поубавился. Первая программа действий принималась на гребне их интереса. Три-пять лет отводилось на подготовительный этап, и затраты должны были составить 30 миллионов долларов. Затраты второго этапа, основного, в десять-пятнадцать лет, оценивались в 500-750 миллионов. Доноры обещали поддержку, и цель — сократить водозабор из Амударьи и Сырдарьи на пятнадцать процентов — казалась реальной.

Не оказали — не сократили. Как поднялся регион в шестидесятые-девяностые годы до забора воды из рек с 63 до 117 кубокилометров, так и забирает по максимуму. За эти годы треть орошаемых земель засолена. И на треть упала урожайность. А население растет: в Узбекистане ежегодный прирост в последнее десятилетие составлял выше двух процентов, в Туркменистане — три с половиной. Требуется больше сеять, промывать, поливать. В общем, прощай, Большой Арал.

Чтобы стабилизировать его уровень на тридцатиметровой отметке января 2003 года, надо подавать до 17-18 кубокилометров воды. Для сравнения: предыдущие пятнадцать лет средний ежегодный сток оставался в два с половиной раза меньше. Реалисты, компонуя Программу действий на 2003-2010 годы, Большой в нее не включили.

А вот у Малого есть перспективы. Всемирный банк выделил кредит в 84 миллиона долларов: на строительство дамбы в проливе Берга с водопропускным устройством и каналом из Малого в Большой, на укрепление Чардаринской плотины и расчистку русла Сырдарьи, чтобы вся вода реки (и та, что много зим подряд сбрасывалась в Арнасайское понижение) шла в море. Как раз ход этих работ и наблюдали предыдущие экспедиции МФСА в казахстанское Приаралье.

После того, как море в конце восьмидесятых разделилось на два водоема, Сырдарья по-прежнему стабильно подпитывает малую чашу. Ожидается, что в 2010-м уровень ее повысится до отметки в 45 метров, площадь увеличится до четырех тысяч квадратных километров, соленость снизится до 15 граммов на литр. Улучшатся условия жизни в низовьях Сырдарьи. В ПБАМ-2 несколько приоритетов и проектов нацелены на низовья Амударьи. Наша экспедиция хочет убедиться в том, что тут делается для жизни.

Пять литров на душу

Для жизни в Туркменистане запрещено курение в общественных местах. Нас предупредили об этом в день приезда: «Не рискуйте». Борьба с курением к приоритетам Программы действий в бассейне Арала не относится, но и такие шаги любопытны. Еще любопытней объект, куда мчат машины экспедиции. Едем на завод питьевой воды. Построен, чтобы не рисковали ни старцы, ни младенцы. На всю Дашогузскую область единственный крупный, обслуживает район с населением в 130 тысяч человек. «Каждому — пять литров на сутки» — такой порядок. Мы еще не подъехали к заводу, но уже полны эмоций, сомнений, ожиданий. Ожидание, что это будет махина, не оправдывается. Видим два синих ангара, причем один из них склад. Никаких внешних излишеств. Заправка водовозок тоже элементарна. Две то ли колонны, то ли трубы, уходят в бетонированную площадку. Их «клювы» водители опускают в баки. Вот и вся процедура заправки. Нам объясняют, что специальных машин по району крутится больше трех десятков. Две американские, остальные — российские. И водовозки, и сам завод — подарок. Он построен на грант ЮСАИД, и затраты составили три с половиной миллиона долларов.

Заходим внутрь завода-ангара, и тут нет никаких излишеств, разве что много труб. Про технологию объясняет директор, гидрогеолог с большим стажем.

Высокоминерализованное «сырье» — два-четыре грамма солей на литр — качается из скважин с тридцатиметровой глубины. Всего скважин у завода шесть: самая ближняя находится в четырехстах метрах, а дальняя — в восьмистах. «Сырье» для питья не годится, но, проходя через фильтры, обработку химикатами, очищается от солей до 0,3-0,4 миллиграмма на литр. «Попробуйте». Пробуем продукт — вода чистая и вкусная, как в отеле. Но отель обслуживает крохотный частный заводик. А тут иные масштабы, и мы выкладываем собеседникам свои сомнения, включая и меркантильные: «Сколько стоит литр?»

«Себестоимость литра — 72 цента, но эта вода не продается. Жителям этрапа имени Сапармурада Туркменбаши она доставляется бесплатно». «А как же рыночная экономика?» В зоне экологического бедствия этот вопрос звучит почти бестактно. Ну не торгуют здесь питьевой водой. Заводские насосы выкачивают в сутки до 670 кубометров, что позволяет обеспечивать зимой каждому жителю по пять литров питьевой воды, а летом по семь. Ночью вода закачивается в бетонный сардоб. Так что всегда имеется запас. На наших глазах водовозки подъезжают и отъезжают, как заведенные. А у нас не кончаются вопросы. «Есть ли отходы производства?» Есть. Это высокоминерализованные стоки с солями в семь граммов на литр. Сбрасываются в коллектор. «Каков заводской штат?» При сменной работе всего двенадцать человек. «Каковы перспективы?» В ближайшее время будут построены такие же заводы в каждом районе-этрапе и два в Дашогузе.

Можно ли использовать чужой опыт в узбекистанских низовьях? Это уже наш вопрос самим себе. И попытка ответа: если завод строить на свои кровные, вода неизбежно станет платной. Себестоимость литра мы помним, приплюсуем транспортные расходы на доставку при рыночной цене бензина, заложим деньги на покупку мембран, которые положено менять каждый год, на фильтры, которые покупать каждые три года, на химикаты… Где вы, доноры?

Сам не плошай

В туркменском Приаралье участники экспедиции почти не говорят о помощи со стороны. Готовя ПБАМ-2, исполком МФСА активно искал доноров. В декабре 2002 года прошла их первая встреча, в июне следующего года — вторая. В ноябре 2004 года они приглашаются вновь. Реальных доноров — пять-семь.

В основном новая программа действий реализуется на кредиты и собственные средства. Так и в отношении проектов по созданию благоприятных условий для жизни людей в Приаралье. А начиналась эта работа в рамках первой программы действий. Уточним: проект «Управление водными ресурсами и окружающей средой в бассейне Аральского моря» был поддержан Глобальным экологическим фондом и профинансирован Всемирным банком в сумме свыше двадцати миллионов долларов. В итоге восстановлена озерная система Судочье. По две плотины в каждой из пяти стран изучены и обеспечены необходимой контрольно-измерительной аппаратурой. Для трансграничного мониторинга в пяти странах установлено 25 гидрологических постов. А еще проводились конкурсы по водосбережению среди фермеров, велась работа по формированию общественного мнения.

По приоритетам второй программы действий Узбекистан на собственные средства реализует проекты в Приаралье по лесопосадкам на аральской осушке, созданию системы ветландов, микрокредитованию населения, по обеспечению безопасности плотин еще двух водохранилищ. На заемные средства будет вестись реконструкция Каршинского канала.

Как в других странах региона с финансированием? Кыргызстан взял займ в десятки миллионов на проект предотвращения чрезвычайных ситуаций и проект поддержки местных потребителей воды. Проект санитарии и гигиены — опять заемные средства. Несколько проектов экономического характера выполняются за счет республиканского бюджета.

Общая позиция: «Надо больше рассчитывать на себя. Растут долги? Но мы работаем, если не будем работать..» Коллеги цитируют материалы МФСА: «Экономические потери, связанные с изменением климата, ухудшением качества воды, сокращением рыбного промысла в Арале, деградацией земель в регионе и утратой биоразнообразия,

составляют несколько миллиардов долларов в год». Ничего себе! Сколько ж мы потеряли и продолжаем терять.

Приграничный забор

Туркменские поля похожи на узбекские не только из-за того, что рядом. Несмотря на холодную погоду, глядишь, и тут, и там люди при деле. Для всех земля — кормилица. «Какие урожаи?»

Мы направляемся на объект, который очень влияет на урожайность, это гидроузел на Туркмендарье. Отсюда вода подается в дашогузские оазисы. Про оазисы нам известно, что с 1996 по 1999 годы использование земель и насаждений здесь снизилось на десять процентов. Урожаи невысокие, земледелие малорентабельно, но альтернативы ему сегодня нет. Чтобы прокормить население, занять его, надо поддержать земледельцев, прибавив поливной воды. Нас не познакомили с цифрами за последние годы по посевным площадям, но то, что увеличены возможности по забору из Амударьи, это факт.

Прежде левобережье питалось через систему каналов Упрадик. Начиналась она на узбекской территории, пролегала через Хорезм, Ташауз-Дашогуз и выходила в Каракалпакстан. По договоренности две союзные республики воду из Туямуюнского водохранилища по ташаузской ветке брали пятьдесят на пятьдесят. Обретя политическую независимость, соседние страны стали стремиться и к водной. Как раз с таким примером нас и знакомят.

Слово «Туркмендарья» созвучно Амударья, но это не река, а отвод от нее, хоть и очень длинный — до истока свыше полутораста километров. Землеройная техника прошагала их в девяностые годы, плавно обогнув узбекский Хорезм. Канал независим, но не безупречен. Он самотечный, забетонированы лишь двадцатикилометровые быстротоки. Чтобы вода не замерзла, зимой ее каждый час поднимают и опускают. Гидроузел, который осматриваем, введен в 1998 году, и тут от Туркмендарьи разбегаются несколько каналов. Специалисты утверждают, что к ним подвешено более двухсот тысяч гектаров. Сейчас пропускается по Туркмендарье 250 кубов в секунду, но будет строиться вторая очередь, и мощность гидросооружений возрастет едва ли не вдвое.

Вечереет. Глаз не отвести от рукотворной артерии — в ней отражаются облака, разрывающее их солнце. Но это лирика, а участников экспедиции беспокоит, что и этот тракт — открытый, русло не изолировано и неизбежны утечки. Интересно, насколько будет увеличена площадь подвешенных площадей? Не станет ли независимый приграничный водозабор одной страной в убыток другой?

Который раз участники экспедиции вспоминают про мониторинг: «Справедливое распределение водных ресурсов невозможно без надлежащего учета стока воды, оценки качества, постоянного контроля за использованием». Учет, оценка, контроль предусмотрены приоритетом «Совершенствование систем мониторинга окружающей среды» Программы действий в бассейне Аральского моря на 2003-2010 годы.

Сколько соли в стакане?

Горожанину, вроде автора этих строк, ближе и понятней тема воды в связи с водопроводом. Пусть учет, пусть контроль, но чтоб была. И обязательно нужна оценка качества, а то нахлебаешься пестицидов с солями…

Мы идем вдоль канала Шават и считаем скважины. Их на балансе у местного водоканала семь десятков, но не все функционируют. Действующие как раз и решают задачу откачки подземных вод и водопроводного обеспечения. Спрашиваем про состав. «Солей — от 0,8 до 1,1 грамма на литр, а очистка — естественная фильтрация и хлорирование». Значит, питьевая вода соленая и не очень стандартная. Но и такой не достает: подается она три раза в день по два часа. Хотели тянуть воду из Амударьи, но раздумали — она и там

минерализованная. Вот и пьет Дашогуз воду из скважин, прижимающихся к каналу. Но начато строительство нового водозабора, который в основном потребности покроет. Запланировано и опреснение.
«Что за границей в узбекском Приаралье?» — спрашивают нас. Отвечаем, что опреснительных заводов нет, но Нукус пьет воду из Капарасского водохранилища, и она много лучше, чем в Амударье у Нукуса. Муйнак пьет воду из амударьинского канала. В маловодье в Каракалпакстане появилось много скважин с насосами-качалками. В рамках МФСА начат проект по обеспечению районных больниц Каракалпакстана чистой питьевой водой, и скоро каждый их пациент будет обеспечен пятью литрами в сутки.
Кстати, нам тоже представляется шанс почувствовать себя пациентами в новеньком с иголочки диагностическом центре Дашогуза. Построен он на многомиллионный кредит, оборудование германской фирмы «Сименс». Все супер, лечись — не хочу. Но, наверное, не хотят многие, так как настоящих пациентов мало. И то сказать, диагностический центр — хозрасчетный. Нечем платить? Если бы была полноценная речная вода, и было ее вдоволь…

Вода приходит с ледников

Нехватку стока обсуждаем с Бухары, где начался совместный путь участников экспедиции. А толчком стал разговор о прогнозах погоды и урожайности в Бухарском областном управлении Узгидромета.
Сперва мы задали дежурный вопрос: «Как работается, коллеги?» Узнали, что есть один компьютер, полученный в рамках проекта по опустыниванию, на четыре метеостанции есть три рации. Первичная информация отправляется в Навои, где находится кустовой информационный центр, а уже оттуда в Ташкент. Климатическая собирается каждые три часа, и все метеостанции ведут ежесуточный мониторинг сухих осадков. Благодаря ему известно, что солей выпадает и по составу, и по количеству больше, чем прежде. Загрязнение окружающей среды фиксируется по девяти ингредиентам три раза в день, а вот автоматические станции — пока мечта.
Такими были ответы на расспросы членов экспедиции. Но очень скоро бухарские метеорологи сами приступили к вопросам с пристрастием: «Коллеги, когда начнете давать информацию из верховий?!» Казалось бы, где Бухара, а где ледники. Но вода стекает с гор. Область целиком находится на машинном орошении. По Аму-Бухарскому каналу наполняются Куямузарское питьевое водохранилище и Тудакульское водохранилище для производственных нужд. Если знать состояние ледников, снегозапасы, можно предвидеть сток Амударьи и объемы для местных земледельцев. В начале июля агрометеорологи выдают предварительный прогноз урожайности и рекомендации, что делать. Но как управлять водохранилищами в пик жары, не зная, что в верховьях?
Про ледники речь ведется и в Дашогузе. Здесь тоже водники составляют прогнозы. Многие помнят, что в недалеком прошлом было две метеостанции, ведущие мониторинг ледников в бассейне Аральского моря: в Таджикистане на леднике Федченко и в Кыргызстане на леднике Абрамова. Но одна закрыта в период гражданской войны в Таджикистане, другая взорвана экстремистами. Потому-то при подготовке ПБАМ-2 на ура прошел, получив всеобщее одобрение, проект «Восстановление и развитие специализированных наблюдений на высокогорных станциях ледников Абрамова и Федченко».
Сейчас гидрометеорологи ориентируются на данные исследований об оледенении региона аж восьмидесятых годов. С тех пор ледники основательно подтаяли. Проектом предусмотрено восстановление наблюдений за снежно-ледовыми ресурсами, оснащение станций, обучение персонала. Ожидаемые результаты: объективная информация для

расчетов и прогнозов стока рек, сбор информации для оценки климатических условий. Выполнение стоит свыше пяти миллионов долларов.
Проект замечательный. Но если у МФСА нет банка, то кто заплатит? Пока страны не определились, Агентство США по международному развитию (ЮСАИД) заплатило за оборудование, работающее в автоматическом режиме, для установки на леднике Федченко. Не проектный вариант, но уже идет сбор и передача информации в Региональный центр гидрологии. Когда бухарцы и дашогузцы получат к ней доступ?

Обмен

Легкий снег ложится на дороги. Такой прогноз и обещали накануне экспедиции специалисты: «Будьте готовы к холоду и снегу». Они не ошиблись. Дети играют в снежки, машины разбрызгивают снежную массу. В составе экспедиции МФСА есть метеорологи и гидрологи, и мы ими гордимся. Наверняка, читатель, и ты испытаешь чувство гордости за метеослужбу, узнав, что плотность сети в регионе всего 0,1 — 0,9 пункта на тысячу квадратных километров. Прогноз во многом обязан высокому профессионализму. Сеть разорвана. После распада Союза только Узбекистану удалось, в основном, сохранить метеостанции и гидропосты. Потери других стран в среднем до половины, оборудование преимущественно старое.
Новое поступало в рамках проекта Глобального экологического фонда. Проект вписывался в ПБАМ-1, а конкретно в приоритет «Оказание помощи гидрометслужбам» и предусматривал создание наблюдательной сети в Центральной Азии на современном уровне. Сперва намечалось построить и оснастить 25 гидрологических постов на трансграничных реках, потом еще двенадцать, а в перспективе — довести их число до 105. Предполагалось, что вся информация будет доступна всем пяти странам.
На тот момент обмен информацией осуществлялся на уровне двусторонних соглашений между гидрометами. Но лучше иметь одну структуру — Региональный центр гидрологии, куда бы стекалась вся информация. Эту идею высказывали представители всех пяти гидрометов. А поддержала ее Швейцарская миссия в бассейне Аральского моря, начавшая работу в регионе в 1996 году.
Далее по совместному проекту «Повышение качества прогнозов» создается таджикский филиал центра с техническим оснащением по обработке гидрологической информации верховий, составлению краткосрочных прогнозов и долгосрочного по бассейну Пянджа. В это же время оборудуются девять метеорологических станций на Памире и восстанавливаются несколько гидрологических постов, предоставляется оснащение для снегомерных съемок, включая одежду.
Потом швейцарский проект кооперируется с проектом ЮСАИД. Это агентство закупает несколько автоматических метеостанций для верховий, и прогресс в составлении прогнозов по стоку становится заметней. В это же время Узгидромет получает при поддержке ЮСАИД станцию, принимающую спутниковые снимки. Их обработка дает информацию о заснеженности бассейнов рек, состоянии пастбищной растительности в пустынях, площадях горных озер. В Узбекистане же создается в рамках Швейцарской миссии центр по обработке гидрологической информации и разработке методов прогнозов стока.

Аргументы для доноров

В августе 2003 года правление Международного фонда спасения Арала, оценив сделанное, постановило создать Региональный центр гидрологии при исполкоме МФСА с филиалами в каждой стране региона. Первые филиалы уже созданы в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане. В ноябре 2004 проходит первое заседание координационного совета, на котором Швейцарская миссия выразила готовность поддержать вторую фазу

проекта по созданию Регионального центра гидрологии с организацией филиалов в Кыргызстане и Туркменистане.
Отличное решение. В Дашогузе члены экспедиции признают необходимость компьютерной системы связи и обмена информацией. Вообще-то соглашение об обмене уже подписано. Но не зря низовья обижаются — ее пока не хватает: «Давайте оперативней и полнее!» Будет полнее, если удастся выполнить еще один проект ПБАМ-2 – «Восстановление и развитие сети гидрометеорологических наблюдений в бассейне Аральского моря». Но реализация тянет на двадцать пять миллионов долларов. Сделаны шаги по их поиску: координационный совет Регионального центра гидрологии обратился к генеральному секретарю Всемирной метеорологической организации с просьбой устроить встречу доноров.
Эксперты не знают, как на этот раз отреагируют. Но они ищут аргументы: во-первых, создание центра уменьшает риски для вложения средств, во-вторых, согласно опыту развитых стран мониторинг природных объектов и явлений в сотни раз оправдывает вложенные средства, в-третьих, проекты этого ряда нацелены не на борьбу с последствиями Аральского кризиса, а на устранение его причин.
…Ну вот, дебаты позади, машины у подъезда. Экспедиция отправляется в обратный путь. Туркменские поля за границей сменяются узбекскими. Как похожи.
Наталия ШУЛЕПИНА
«Правда Востока», 19,20,21.1.2005г.
Экоальманах «Просто пишем о среде» (3-й выпуск), 2005г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

09.02.2009